

В. Н. Темушев

ЛИТОВСКО-ТВЕРСКАЯ ГРАНИЦА (ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОЧНИКОВ)

Литовско-тверские политические связи имели глубокие корни и завязывались еще с XIII в. В 1285 (6793) г. «Литва воевала тверскаго владыки волости и Олешну и прочіи» [16, с. 344]. Объединенное русское войско, состоявшее из ратей городов Твери, Москвы, Волока Ламского, Нового Торга, Дмитрова, Зубцова и Ржевы, т. е. пограничных городов, выступило против литовцев и разбило их. Тогда был взят в плен и, по сообщению некоторых летописей, убит литовский князь Довмонт [16, с. 344; 14, стб. 483; 15, с. 166]. Каковы же обстоятельства и причины обнаружившейся литовско-тверской конфронтации?

В 1266 г. только что занявший псковский престол князь Довмонт захватил жену и двух сыновей (среди них, возможно, был Андрей) князя Герденя (в то время наместника литовского князя Войшелка в Полоцке) и полностью разгромил погнавшегося за ним, а потом пытавшегося переправиться через Двину полоцкого князя. В том же году в Новгород прибыл с полками великий князь владимирский Ярослав Ярославич (первый тверской князь), намеревавшийся «йти на Плесковъ на князя Домонта» [12, с. 85]. Новгородцы не поддержали Ярослава. Однако событие выявило союзническую связь с полоцким наместником князем Герденем, а вслед за ним и литовским князем Войшелком, одним из немногих православных в то время литовских князей.

Показательно, что первый тверской епископ Симеон прибыл на новую кафедру именно из Полоцка, из которого вынужден был уйти в связи с распространением там после князя Герденя католического влияния (переехал в Тверь между 1267 и 1271 гг.) [7, с. 67]. Не случайно нападение 1285 г. князя Довмонта последовало именно на епископские владения Симеона. Поставление же в тверские епископы в 1289 г. сына Герденя Андрея явно говорит в пользу очень крепких связей между определенными политическими силами в Литве и Тверским княжеством. И так, уже в XIII в. литовско-тверские противоречия вызвали конфликт, затронувший и определивший тверское пограничье. Опасность со стороны Литовского княжества становилась все более реальной, поэтому в 1297 (6805) г. тверская граница была укреплена («Срубленъ бысть городъ на Волзе, ко Зубцеву, на Старице») [17, с. 411]. Непосредственной границы между литовскими и тверскими владениями тогда еще не существовало.

Отсутствие общей границы, а следовательно, и пересечения территориальных интересов стало, очевидно, одной из причин политического сближения Великих княжеств Литовского и Тверского в XIV в. Уже зимой 1320/21 (6828) г. был заключен брак между тверским князем Дмитрием Михайловичем и дочерью великого князя литовского Гедимина Марией [17, с. 50].

Дальнейшее укрепление литовско-тверских отношений, как это ни парадоксально, связано с изначальным посредничеством Москвы. Именно к московскому князю

Темушев Виктор Николаевич — доцент кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук

(великому князю владимирскому) Семену Ивановичу в 1349 г. прибыли послы от великого князя литовского Ольгерда с просьбой отдать за своего правителя дочь тверского князя Александра Михайловича Ульяну [17, с. 62]. Обращение с такой просьбой к московскому князю не было случайным. Во-первых, Семен Иванович, будучи великим князем владимирским, являлся формальным главой Северо-Восточной Руси. Во-вторых, Ульяна была сестрой жены московского князя Марии [17, с. 61, 158]. Брак Ольгерда на тверской княжне — свояченице московского князя, а также последовавшая чуть позже (1350/1351 г.) свадьба сына тверского князя Василия Михайловича Михаила на дочери московского князя Семена Ивановича Василисе [17, с. 63; 15, с. 222] создали особую систему устойчивых политических связей между Вильно, Тверью и Москвой.

Эта система равновесия очень скоро была нарушена. Вмешательство Орды, предоставившей в 1352 г. одному из тверских князей ярлык на княжение (Василию Михайловичу), вызвало «неимоверство и нелюбие» в их среде [15, с. 223]. Также и между Москвой и Вильно намечались разногласия из-за влияния на Смоленск и в связи со стремлением Ольгерда создать собственную православную митрополию. Проблемы со Смоленском были урегулированы в литовско-московском договоре на р. Протве в 1352 г., причем тогда литовское господство над Смоленском сменилось на московское [20, с. 62]. Однако уже в 1356 г. разгорелась борьба за господство над смоленскими и брянскими землями. Именно к этому году относится, хотя и недолговременное, приближение литовских владений к тверским пределам.

Летом 1356 г. «Сижского сынъ Иван седее съ Литвою во Ржеве» [17, с. 66]. Таким образом один из удельных ржевских князей (Сижка — волость Ржевской земли), уже лишившийся своих владений (его не называют сижским князем, а лишь сыном сижского князя), был посажен в Ржеву с помощью литовцев. Осенью 1356 г. Ольгерд напал на Брянск и Смоленск и даже пленил сына смоленского князя. Вскоре после неясных событий, мятежа «отъ лихихъ людей» (партии сторонников ВКЛ?). Брянск оказался полностью во власти ВКЛ («и потом нача обладати Брянскомъ князь велики Литовскій») [15, с. 228]. Впрочем, в Смоленске литовское влияние не закрепилось [20, с. 66], а из Ржевы совместные силы Волока Ламского (или Твери) и Можайска летом 1358 г. выбили литовского ставленника [15, с. 230; 17, с. 68].

Ржевская земля на юго-востоке непосредственно соприкасалась с тверскими владениями. Находившиеся в этом регионе ржевские волости Рясна и Осечен стали известны благодаря событиям 1335 г., когда собранное из новгородцев войско Ивана Калиты «пожже городке Литовскіи Осечень и Рясну и иных городковъ много» [12, с. 247]. Таким образом, уже довольно давно литовские владения проникли далеко на восток, клином врезавшись в территорию, на которую претендовали Смоленск, Новгород и Тверь. Осечен и Рясна, очевидно, обладали выгодным стратегическим положением, фактически ставя под контроль участок тверской границы и создавая плацдарм для наступления на новоторжские и иные новгородские земли (в 1335 г. «воеваша Литва Новоторжскую волость на миру» [12, с. 247]), а также, непосредственно, на саму Ржеву (до 1356 г. еще ни разу не захватывавшуюся литовскими силами). Можно заметить, что уже до 1335 г., хоть и временно, верховье Волги оказалось под властью Литовского княжества. Из двух упомянутых «литовских городков» Осечен находился на левом берегу Волги, а Рясна несколько

восточнее реки. Оба городка прикрывали далеко продвинувшиеся на восток литовские владения.

Установление власти литовских князей в верховьях Волги стало возможным благодаря присоединению Торопецкой земли, отстоявшей к северо-востоку между новгородскими и смоленскими владениями. Торопец в свое время испытал ряд опустошительных набегов «Литвы» [14, стб. 447—448, 510; 17, с. 365, 372, 383, 398, 405] и около 1320 г. находился уже в составе Великого княжества Литовского [11, с. 31]. Верховья Ловати, Двины и Волги стали принадлежать Литовскому княжеству.

Недолгий срок обладания Ржевой (1356—1358 гг.), вероятно, все же помог Ольгерду укрепить свое положение в регионе. В 1359 г. «Смольняне воевали Белоую» [17, с. 68], следовательно, к этому времени город Белая был уже в составе ВКЛ, причем отвоевать Смоленскому княжеству свои бывшие владения не удалось. В ответ в том же году князь литовский Ольгерд напал на Смоленск, занял Мстиславль («а Литвою свою въ немь посадиль»), а затем зимой послал сына Андрея на Ржеву и теперь уже сравнительно надолго захватил ее [17, с. 68].

После присоединения Белой территория ВКЛ вышла также и к верховью р. Днепра. Таким образом, верховья трех крупнейших рек Восточной Европы (Двина, Волга и Днепр) с середины XIV в. принадлежали ВКЛ. К тому же Смоленское княжество оказывалось окруженным полукольцом литовских владений, что во многом предопределяло его скорое подчинение литовской власти. Смоленск к этому времени лишился почти половины своей территории (Ржева, Белая, Мстиславль). Брянск, с конца XIII в. находившийся в сфере влияния Смоленска и управлявшийся князьями смоленской династии, с 1356 г. также был включен в состав ВКЛ. Тем самым и течение р. Десны (левый приток Днепра) теперь контролировалось литовской властью.

Укрепившись в районе верховий Волги, Двины и Днепра, литовские князья повели дальнейшее наступление на соседние земли. Так, зимой 1361/62 (6869) г. «Литва волости Тферьскіи имали» [17, с. 71]. Вероятно, пострадали волости тверского удельного князя Михаила Александровича

Микулинского, так как вскоре именно он «ездилъ въ Литву о миру и взялъ миръ съ Олгердомъ» [17, с. 72]. Владения князя Михаила Александровича тогда находились сравнительно далеко от границы с ВКЛ, однако вскоре нападению подвергся и бывший Холмский удел, занимавший пограничную западную часть Великого княжества Тверского. В 1368 г. Андрей Ольгердович Полоцкий, очевидно, из Ржевы напал на близлежащие тверские волости Хорвач и Родню. Но тут, сразу же за литовским нападением, последовал поход серпуховского удельного князя Владимира Андреевича на Ржеву и захват ее [17, с. 81].

Таким образом, первый, на короткое время появившийся, участок литовско-тверской границы стал районом конфронтации. Причем в отсутствии литовской власти на верховьях Волги были одинаково заинтересованы Тверь, Москва и Новгород. Очевидно, как верховья Волги, так и город Ржева, разместившийся на ее левом берегу, являлись связующим территориальным звеном между Северо-Западной и Северо-Восточной Русью, поэтому мы видим, что в борьбе за Ржевскую землю совместно действовали тверские, московские и новгородские силы. Впрочем, и стремление ВКЛ сохранить за собой важнейший стратегический пункт было очень настойчивым.

В 1376 г. последовало новое, уже неудачное, нападение московского удельного князя Владимира Андреевича на Ржеву [17, с. 100]. Следовательно, до 1376 г. Город

вновь стал подконтролен ВКЛ. По мнению В. А. Кучкина, это произошло до лета 1372 г. [8, с. 152].

Однако в кругах литовской знати было, вероятно, осознано превосходство в верхневолжском регионе позиций Москвы, за которой к тому времени стояла сила почти всей Северо-Восточной Руси, сила, способная противостоять Орде. Поэтому новый великий князь литовский Кейстут в период своего короткого правления (1381—1382 гг.) пошел на компромисс с великим князем московским Дмитрием Донским. Согласно заключенному в 1381—1382 гг. договору, ВКЛ уступало Ржеву и большую часть ее волостей Москве. Но одна волость, Осуга, осталась за ВКЛ.

Московско-литовский договор 1381—1382 гг. не сохранился, однако вывод о его существовании и зафиксированной в нем позиции относительно Ржевской земли можно сделать благодаря анализу договора о «вечном мире» от 31 августа 1449 г. между Василием II Темным и Казимиром IV. Согласно договору 1449 г., волость Осуга осталась в правлении волостелей великого князя Кейстута [5, № 53, с. 160—161].

Сохранившая литовское управление, волость компенсировала довольно ощутимую территориальную потерю. Занимая течение реки Осуги (левый приток Вазузы), она охватывала южную часть Ржевской земли и, тем самым, оставляла возможность определенного контроля за ржевской территорией в целом. Кроме того, в конце XIV в. район волости Осуга остался единственным местом соприкосновения владений ВКЛ с тверскими землями, служа своеобразным мостиком между двумя государствами.

Таким образом, к короткому времени правления в ВКЛ Кейстута можно отнести начало формирования устойчивого участка литовско-тверской границы, продержавшегося на протяжении почти века с четвертью. Между двумя государствами появлялись и другие участки общей границы, однако они существовали либо короткий отрезок времени, либо не имели существенного значения.

Сравнительно долгий срок сохранялся участок литовско-тверской границы, сформировавшийся после присоединения к ВКЛ территории Вяземского княжества (1403). Таким образом, вместе с периодически зависимым от ВКЛ Фоминско-Березуйским княжеством (низовья рек Осуги и Вазузы, при впадении последней в Волгу) и осколком Ржевской земли (волость Осуга) северо-восточные вяземские пределы составили протяженную линию соприкосновения литовских и тверских владений.

Вяземско-холмская граница (как участок литовско-тверской) имела, вероятно, двойной характер, и намечена она может быть лишь условно. Во-первых, между литовскими и тверскими владениями существовала полоса незанятых, неосвоенных земель. Это была болотистая местность с островками лиственных лесов (об этом говорит даже название одной из находившихся в окрестностях волости — Ольховец). Археологические данные дают представление о крайней немногочисленности в регионе памятников периода средневековья [2; 21]. Так может быть описана та часть литовско-тверской границы, что шла к востоку от фоминско-березуйских земель.

Во-вторых, дальше на восток обнаруживался противоположный по характеру заселения и освоенности район с чересполосными литовско-тверскими владениями. Крайний северо-восток Вяземского княжества с начала XV в. был отдан в вотчину князьям Крошинским. Волости последних

(Тешиновичи, Сукромна, Ольховец, Надславль, Отъезд, Лела) выявляются на территории к востоку от р. Гжать (приток Вазузы) в направлении к Можайским землям Великого княжества Московского) [18,

с. 102—103]. Наиболее близкими к тверским землям были, очевидно, волости Сукромна и Отъездец, так как позже они появились в составе именно тверских уездов. Так, из грамоты 1530 г. мы узнаем о существовании Сукроменского стана в составе Старицкого уезда, холмских волостях Старый и Новый Отъезд [5, № 102, с. 421]. Позже стан Отвотский и Сукроменский обнаружился в Можайском уезде [4, с. 574]. Вероятно, Сукромна была разделена надвое между двумя уездами: Старицким и Можайским. Вполне возможно, территории обозначенных волостей так переплелись между собой, что их трудно было размежевать, поэтому в будущем мы наблюдаем исчезновение Холмского уезда с системой волостей, а на его месте появление Холмской волости в составе Старицкого уезда. Очевидно, несколько волостей (в прошлом литовских и тверских) были слиты воедино.

О существовании плотного контакта между литовскими и тверскими владениями говорит целый ряд договорных грамот. В литовско-тверском договоре 1427 г. упоминается рубеж между ВКЛ (Смоленском) с Великим княжеством Тверским и оговариваются условия владения порубежных мест [5, № 23, с. 62—63; 22, № 141, с. 259]). Впрочем, возможно, указанная статья договорных грамот могла касаться также и другого участка литовско-тверской границы (в районе волости Осуги).

Необходимо также обозначить те территории, которые примыкали к границе с тверской стороны. Пограничными городами на юго-западе Великого княжества Тверского были Опоки (около 2 км восточнее Ржевы на левом берегу р. Волги) [7, с. 259—260; 9, с. 196], Зубцов (в излучине р. Волги, напротив устья р. Вазузы), Хорвач (Новый Городок, Погорелое городище у реки Держи правого притока Волги) [6, с. 34; 9, с. 148, 196] и Холм (к востоку от Хорвача).

Очевидно, непосредственно у границы располагалась волость Олешня, известная еще с 1285 г. Относительно локализации волости Олешня к настоящему времени существуют три мнения. Поиски похожего названия (метод лингвистического соответствия) привели В. С. Борзаковского к отождествлению центра волости с д. Алешево Зубцовского уезда [3, с. 29]. Такая локализация вызвала справедливую критику В. А. Кучкина, который, используя ряд документов, сумел обозначить приблизительное место волости Олешня между реками Шешмой (правый приток Вазузы) и Вазузой [9, с. 149]. Тем самым получалось, что территория волости вклинивалась в территорию Фоминско-Березуйского княжества. Однако в системе доказательств своей локализации В. А. Кучкин допустил одну принципиальную ошибку (перепутал местами населенные пункты Хлепень и Фомин городок) [9, с. 149], которая позволила краеведу В. В. Лелецкому прийти к совершенно неправдоподобному выводу о местонахождении волости Олешня [10, с. 175—177].

По сути, В. В. Лелецким был использован все тот же метод лингвистического соответствия. Однако радиус поиска названия Олешня был значительно расширен, хотя в свое время В. С. Борзаковский корректно стремился искать волость в районе мест, в связи с которыми она упоминалась (например, в духовной грамоте Ивана III, который передавал сыну Андрею «Холмских вотчину, Холмь и Новои городок, да волости Олешню, до волость Синюю, и иные волости, и пути, и села, со всеми пошлинами» [5, № 89, с. 361]). На значительном удалении к югу от Холма и р. Синей, вокруг которой располагалась волость Синяя, в районе р. Алешни (правый приток р. Большая Гжать) и была локализована древняя тверская волость Олешня [10, с. 176].

Выводы В. В. Лелецкого относительно раннего заселения района р. Алешни (там находилась Ветца, известная еще из уставной грамоты князя Ростислава Смоленского 1136 г.) не вызывают сомнения. Также и принадлежность территории к востоку от р. Гжать Тверской епархии в более позднее время достойна внимания. Однако все же выводы исследователя необходимо вновь рассмотреть критически.

Основой системы доказательств В. В. Лелецкого, как и В. А. Кучкина, служит выдержка из текста жалованной грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю от 21 сентября 1539 г. на с. Фаустову Гору в Зубцовском уезде. Крестьяне этого села не должны были платить мыто и иные пошлыны, «коли повезут те крестьяне монастырские дрова, бревна и всякий лес из Олешни рекою Вазузою мимо Хлепень» [1, № 149, с. 145]. В. В. Лелецкий поправляет В. А. Кучкина в его неверной локализации Фаустовой Горы (село близ р. Шешмы) и Хлепеня (на р. Вазузе, ниже Березуеска) [9, с. 146] и, соответственно, разбивает построение историка, где в линии Олешня — Вазуза — Хлепень —

Фаустова Гора искомая волость оказывается в районе междуречья Шешмы и Вазузы. Новая цепочка доказательств выстраивается по той же схеме, но с уточненной локализацией. Село Фаустова Гора находилось на правом берегу р. Волги при впадении в нее р. Вазузы, напротив города Зубцова [10, с. 175], а город Хлепень не ниже, а выше по течению р. Вазузы от Березуеска. Тем самым логическая цепочка разворачивается в противоположную сторону, а поиски Олешни, по мнению Лелецкого, следует вести выше Хлепenea на р. Вазузе или ее притоках. И вот, значительно южнее всех фигурирующих в системе доказательств топонимов и гидронимов, Лелецким обнаруживается река Олешня (реальное название Алешня), вокруг которой и объявляется средоточие искомой волости.

Однако следует заметить, что р. Алешня впадает в р. Гжать, соответственно, в рассматриваемой грамоте должно было быть сказано, что лес везли не только Вазузой, но и Гжатыю, протяженность которой от устья Алешни до устья самой Гжати примерно в 10 раз больше, чем от Хлепenea до устья Гжати. Далее, почему было решено, что именно к себе в село крестьяне Фаустовой горы везли дрова и др.? Вероятнее всего, они заготавливали лес в волости Олешне, а затем везли (не сплавливали, так как шли против течения) его по Вазузе мимо Хлепenea далее на юг, без намерения в данном случае останавливаться в родном селе. Более того, весьма вероятно, что волость Олешня находилась рядом с селом Фаустова Гора. Из последнего крестьянам удобно было ходить в Олешню, где и заготавливали они древесину. Тем самым волость Олешню необходимо все-таки искать рядом с волостью Синей, не выходя за рамки уезда Холма и Нового городка (позже вошли в состав Старицкого уезда). Южная граница уезда (между прочим, включившая и часть бывших вотчин литовских князей Крошинских) не доходила даже до р. Гжати и ее притока Язузы, не говоря уже о значительно более южной р. Алешни.

И наконец, необходимо отметить, что в случае принятия локализации Лелецкого между волостью Олешней и основным массивом тверских земель оказывался ряд волостей князей Крошинских, входивших в состав ВКЛ, а также некоторые можайские земли Великого княжества Московского, т. е. Олешня непременно была бы тверским анклавом, окруженным литовскими и московскими владениями.

Итак, следует признать мнение В. А. Кучкина наиболее соответствующим действительности. Однако, очевидно, что, несмотря на существование нескольких аргу-

ментированных мнений, до сих пор точное местоположение тверской волости Олешни не выяснено. Твердо можно убедиться только в том, что тверские владения располагались и южнее Холма и Хорвача, а в районе Зубцова и Опок переходили на правую сторону р. Волги. Бассейны рек Шешмы (правый приток Волги), Синей (левый приток Держы) и Держи (правый приток Волги) почти полностью входили в состав Великого княжества Тверского. Частично тверские владения здесь пересекались с территорией Фоминско-Березуйского княжества и вотчинами князей Крошинских. Оставался, возможно, и участок с полосой неразмежеванных земель.

Такая протяженность литовско-тверской границы сохранялась на протяжении почти столетия (с 1403 до 1394 г.), до присоединения к Москве Вяземского княжества. Линия границы была зажата между ржевскими и можайскими (возможно, волоцкими) землями, принадлежащими Москве. Кроме того, этот участок литовско-тверской границы прерывался посередине массивом земель (Хлепень, Рогачев, Березуйск, Фоминское), на которые издавна имели претензии московские великие князья и владельцы которых с 1449 г. были признаны подвластными великому князю московскому. (Реально хлепенские и др. земли оставались в составе ВКЛ, Вяземского княжества, а хлепенская волость Рогачев была даже отдана в вотчину пану Ивану (Яну) Ходкевичу [13, с. 72]). В 1494 г. эти земли стали частью Великого княжества Московского, так же как и более восточный от них участок литовско-тверской границы, где находились владения князей Крошинских, входивших в состав Вяземского княжества и ВКЛ.

Однако даже после присоединения Вяземской земли к Москве (что отодвинуло далеко на запад московскую границу) участок литовско-тверского порубежья сохранялся. В «листе перемирном великого князя московского Иоанна с королем Казимиром» от 2 мая 1494 г. читаем: «Такъже и Тферы, отчыне нашои (Ивана III. — *В. Т.*), и всеи Тверскои земли рубеж с Литвою по старому рубежу» [5, № 83, с. 329; 23, № 78. 2, р. 134]. Таким образом, после 1494 г. еще некоторое время (до 1505 г., присоединения к Москве Бельского княжества) продолжал существовать самый древний участок литовско-тверской границы. Правда, Тверь уже была московским владением, вотчиной государя всея Руси Ивана III.

В связи с наличием в течение долгого времени литовско-тверской границы следует сделать следующий вывод. Между основным массивом Великого княжества Московского и Ржевской землей до ликвидации государственности Великого Новгорода и Великого княжества Тверского не существовало сухопутной связи. Ржевская земля с середины XIV в. попеременно принадлежала Москве, Вильни или Твери, но примерно с 1381—1382 гг. почти постоянно (кроме коротких периодов 1399 и 1447—1449 гг.) находилась в составе московских владений [8, с. 149—162; 19, с. 77, 78—79], при этом оставаясь, по сути, анклавом. Уникальный участок литовско-тверской границы на протяжении столетия перекрывал Москве прямой доступ к ее верхневолжскому владению, имевшему, очевидно, большое стратегическое значение. В свое время стремление обладать землями Фоминско-Березуйского княжества выдавалось историками за желание Москвы наладить сухопутную связь со Ржевой [6, с. 3]. Однако, в реальности, даже приобретя низовья р. Вазузы, московские князья все так же вынуждены были пользоваться транзитным сообщением через тверские или литовские владения. Таким образом, становится очевидным особое значение зоны литовско-

тверского пограничья как определенного рычага воздействия на сферу московских интересов.

Итак, начало формирования литовско-тверской границы следует отнести к короткому времени правления Кейстута (1381—1382 гг.). Тогда появился очень маленький, но важный в стратегическом плане участок пограничья в районе волости Осуги. Литовско-московский договор о вечном мире 1449 г. специально оговаривал владение Казимиром этой бывшей частью Ржевской земли [5, № 53, с. 160—161; 22, № 136, с. 252]. Очевидно, и после 1494 г. Осуга оставалась в составе ВКЛ.

Значительно протянулась на восток литовско-тверская граница при Витовте, в 1403—1404 гг., когда ВКЛ захватило вяземские и смоленские земли. Очевидно, появившаяся литовская граница заимствовала старый смоленский рубеж. Что характерно, новая власть сохранила в неприкосновенности существовавшую чересполосицу и совместное управление смоленско-тверских владений и, таким образом, граница имела неопределенный, нечеткий характер.

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 2. М., 1956.
2. Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1—2. М., 1997.
3. *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. СПб., 1876.
4. *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII в. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
6. *Квашнин-Самарин Н. Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.
7. *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994.
8. *Кучкин В. А.* К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6.
9. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.
10. *Лелецкий В. В.* О местоположении тверской волости Олешни и территории Тверского княжества // Отечественная история. М., 1998. № 2.
11. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
13. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. 1. (С 1487 по 1533 г.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882.
14. Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Т. 1. М., 2001.
15. Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 10. М., 2000.
16. *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.
17. Русские летописи. Рогожский летописец. Тверская летопись. Т. 6. Рязань, 2000.
18. *Темушев В. Н.* К вопросу о московско-литовской границе XV в. (Владения князей Крошинских) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. № 3 (21).
19. *Темушев В. Н.* Начало складывания московско-литовской границы. Борьба за Ржевскую землю // Российские и славянские исследования: Сб. науч. ст. Вып. 1. Мн., 2004.
20. *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982.
21. *Шмидт Е. А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1—2. Смоленск, 1982—1983.
22. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. V., 1993. Кн. 5 (1427—1506).